

Татьяна Бочина

Казань, Россия

СИЛЬНОЕ И СЛАБОЕ ОТРИЦАНИЕ В РУССКОЙ ПАРЕМИКЕ

По признанию многих исследователей провербиального пространства, одним из основных свойств паремии является оппозитивность. Закономерно, что в паремике высока частотность использования отрицания, которое, как известно, является простейшей, неразложимой смысловой категорией, и универсальным средством семантического противопоставления. При этом в поговорках и пословицах представлены обе формы отрицания: отрицательная номинация (*Ученый водит, а неученый следом бродит*) и отрицательная предикация (*На ретивую лошадку не кнут, а вожжи*) [о двух формах отрицания см.: 11,74]. Рассмотрим специфику функционирования данных форм отрицания в народных изречениях в аспекте проявления сильного и слабого характера отрицания, а также в его связи с обобщенно-типизированным выразительным средством (стилистическим приемом). При этом в поле нашего внимания будут 2 приема: антитеза (*Стыдливый покраснеет, а бесстыжий побелеет*) и акротеза (*Не по ветру мельница мелет, а против*), специфичность которых во многом связана с сильным или слабым характером отрицания.

Отрицательная номинация представлена прежде всего в паремиях, являющих собой антитезу, или "прием актуализированного противопоставления противоположностей" [6], для создания которой нередко используются словообразовательные антонимы, образованные посредством морфологических средств отрицания – префиксов *без-*, *не-* и конфиксов с начальным *без-*, *не-*: *Счастье на крылах, несчастье на костылях; Счастье на коне, несчастье под конем Счастливым на коне, несчастный под конем*.

Следует заметить, что в лингвистической литературе неоднократно освещалась проблема взаимосвязи отрицания и антонимии, в том числе в свете формирования словообразовательных антонимов посредством отрицательных префиксов. Но, несмотря на то, что в отрицании видится инвариант антонимических отношений [7, 55; 1, 302], вопрос о статусе привативных оппозиций *а:неа*, пройдя несколько этапов в своем решении, до сих пор остается дискуссионным. Если сначала лингвисты категорически отвергали их антонимичность [2, 44-45], то затем составление лексических противоположений при помощи префикса *не-* стали считать одной из наиболее простых и употребительных словообразовательных моделей в русском языке [9, 81], квалифицируя пары типа *белый – небелый* как антонимы дихотомического деления понятий [3]. Однако наиболее распространенным является мнение о том, что приставка *не-* может выражать значение как противоположности, так и противоречия, как предельное (сильное), так и простое (слабое) отрицание, а посему все образования с префиксом *не-* делятся на являющиеся и не являющиеся антонимами. Так, если у исходного бесприставочного адъектива (например, *умный*) имеется разнокоренной антоним (*глупый*), то лексемы с морфологически выраженным отрицанием (*неумный*) обычно рассматриваются как промежуточные, некрайние члены градуальной оппозиции со значением "неполной", "смягченной" противоположности и квалифицируются как "не выражающие действительной антонимии", "квазиантонимы" [7, 171-172; 4, 51]. Правда, Л.А.Новиков признает, что адъектив с *не-*, являющийся промежуточным членом в антонимической парадигме (*умный – неумный – глупый*) способен "занимать в поле ... и все семантическое пространство, исключая зону противоположного слова, смещаться в сторону и приближаться по своему содержанию к другому крайнему понятию и стать его синонимом" [7, 221].

Новый подход к решению этой проблемы представлен в работах В.А.Михайлова, который показал, что одно и то же слово по-разному ведет себя под отрицанием в бинарной и градуальной оппозициях [5, 33]. Вслед за В.А.Михайловым считаем, что контражность или контрадикторность

оппозиции *a:nea* зависит от условий конкретной речи и при определенных обстоятельствах любая оппозиция с отрицательным противочленом может выражать антонимические отношения.

Действительно, сформировавшаяся в лексической системе градуальная оппозиция *смелый – несмелый – трусливый* (для удобства оперируем не всем рядом, а необходимым и достаточным для градации минимумом, состоящим из трех членов) является результатом различения признака, его отсутствия и наличия противоположного признака. И, конечно же, в данной иерархии отсутствие признака еще не означает наличия противоположного, и просто несмелый еще не является трусом. Но справедливо это лишь для полного ряда, когда эксплицированы либо подразумеваются как минимум три элемента. Однако при двучленном привативном сопоставлении *a: nea* начинают проявляться взаимно противоположные признаки эквиополентности. Другими словами, количественные различия между *a* и *nea*, свойственные им в градуальной оппозиции, проявляют себя как качественные противоположности в составе бинарной оппозиции.

Важно подчеркнуть, что, формируя семантику антитезы, оппозиция *a:nea* всегда выступает в качестве автономной бинарной оппозиции, реализующей отношение контрадикторной противоположности, а не как часть градуальной оппозиции. В паремиях *Недолгая речь хороша, а долгая – поволока; Немудрый муж слугою потребует, а мудр сам исправляет; Друг другу терем ставит, недруг недругу гроб ладит; Правда – кус купленный, неправда – краденый* пары *долгий – недолгий, мудрый – немудрый, друг – недруг, правда – неправда*, выражают такие же предельные отношения, как и разнокоренные антонимы *долгий – короткий, мудрый – глупый, друг – враг, правда – ложь*. Сказанное справедливо и в отношении слов с начальным *без-*: *Черт бессилен, да батрак его силен* (т.е. человек), ср.: *слабый – сильный*.

Следует заметить, что совместное употребление лексемы с отрицательным формантом и соответствующего беспрефиксного слова наиболее экономичным и наглядным образом воспроизводит дихотомическое восприятие мира. Показательно, что примерно $\frac{3}{4}$ антитетических изречений с оппозицией словообразовательных антонимов "наличия – отсутствия" содержат исходную лексику в первой части высказывания, а маркированный отрицанием член, создавая "мир зазеркалья", появляется во второй: *Быль как смола, небыль как вода; Сказанное слово – серебряное, несказанное – золотое; Бывалые в людях говорят, небывалые дома сидят; Покой пьет воду, а беспокойство мёд*. Последовательность *a → nea* воспроизводит путь познания мира: сначала очерчивается фрагмент действительности, затем дается его антипод и таким образом фиксируется дуальная модель действительности.

Особых комментариев требуют паремии, в которых антитеза сформирована оппозицией положительного и отрицательного глаголов. Как правило, подобные оппозиции не рассматриваются при обсуждении проблем антонимии из-за традиции раздельного написания отрицательной частицы с глаголами, хотя еще А.А.Потебня возражал против одинакового написания глаголов в противительном и непротивительном значениях [10, 8-9]. Как убедительно показал В.А.Михайлов, формы с *не* – и слова, и сочетания – с номинативной точки зрения равноценны как имена класса, порожденного операцией отрицания [5, 26].

Оппозиции положительного и негированного глаголов, оформляющие утвердительно-отрицательные высказывания типа *Удастся – бражка, не удастся – квасок*, вне всяких сомнений указывают на дихотомическую полярность ситуаций, ср. с номинативной антонимией: *Удача – брага, неудача – квас*. Степень репрезентативности таких оппозиций зависит от структурно-семантической соотносительности противопоставляемых глаголов: наиболее полно и явно контраст выражается в случаях, когда отрицается то же самое действие, что и утверждается: *Не дать взаймы, остуда на время; дать взаймы, ссора навек; Брюхо наживешь, а брюхом не наживешь*. Однако в силу того, что оппозиция утверждения и отрицания является элементарным и эксплицитным способом

выражения логической противоположности, даже противопоставления несистемного характера легко декодируются как контрастные: *Собакой залаешь* (на меня), *а петухом не запоёшь* (не победишь).

Перейдем к анализу приема акротеzy, основанного на синтаксическом отрицании, а точнее на взаимоисключающей полярности утверждения и отрицания. Суть данного приема заключается в актуализации утверждения одного из предметов (признаков, явлений) действительности путем отрицания его альтернативы: *Не краса красит человека, а ум; Жена хороша не телом, а делом; Цени по заслугам, а не по услугам*. Отрицательная конструкция, составляющая основу приема акротеzy, представляет собой классический случай так называемого частного отрицания, которое "не колеблет общего утвердительного смысла высказывания" [8, 352].

Существует множество разновидностей акротеzy. Во-первых, они различаются порядком следования утверждения и отрицания и типом составного союза: двухместного *не ...а* (*Выбирай жену не в хороводе, а в огороде*) или одноместного *а не* (*Постись духом, а не брюхом*).

Полагаем, что семантическая равновесность членов противопоставления в конструкции *не А, а В* и бо́льшая весомость положительного элемента в паре *А, а не В* связана с ритмическим рисунком противопоставления, задаваемым дистантной или контактной позицией самого союза. При симметричном распределении составного союза *не...а* между членами противопоставления сохраняется ритмическое равенство частей отрицательно-утвердительного предиката: *не поле, а нивка* (3 – 3), *не в бороде, а в голове* (4 – 4), поэтому их акцентирование практически одинаково *Не поле родит, а нивка; Мудрость не в бороде, а в голове*. В случаях же, когда отрицательный и положительный компоненты имеют разное количество слогов, союз *не...а*, по крайней мере, не увеличивает это неравенство: *Не земля родит, а год*. Союз *а не* создает асимметрию членов противопоставленной пары, удлиняя отрицательное звено на два слога: *лето, а не поле* (2 – 4), *в голове, а не в бороде* (3 – 5), что требует более быстрого проговаривания негативной части и, следовательно, переносит акцент на утверждаемый элемент пары: *Лето родит, а не поле; Мудрость в голове, а не в бороде*.

Чрезвычайно показательно явное предпочтение отрицательно-утвердительного противопоставления с союзом *не...а* утвердительно-отрицательному с союзом *а не* (примерно двадцать к одному). Последнее избирается пословицей, когда решается коммуникативная задача категорического утверждения лишь одной из альтернатив – единственно правильной и не допускающей другого решения. Отрицание второго возможного исхода дилеммы контрастом еще более усиливает "безапелляционность" суждения, претендующего на "истину в последней инстанции". Но как показывает статистика, подобная категоричность – далеко не главная цель паремии-акротеzy.

Преобладающая в паремике отрицательно-утвердительная формула акротеzy согласуется с ходом познания истины, при котором отрицание не отменяет полностью предыдущее знание, а корректирует, уточняет его, проникая в более глубокие слои сущности явлений: *Не копьём побивают, а умом* (т.е. *уменьем*). Являясь типичной схемой коррекции в логике, отрицательно-утвердительное противопоставление *не...а* используется в народной афористике для раскрытия первопричин явлений, переключения внимания с тривиальных общеизвестных фактов на их скрытую подоплеку (*Не вымем корова доит, а рылом*), с внешних проявлений предметов, процессов на их глубинную суть (*Добродетель не в словах, а в честных делах*). В негативно-позитивном противопоставлении отрицание, будучи полемически заостренным, повышенно эмоциональным, выражает не только негативную оценку истинности одного фрагмента информации в сравнении с другим (*Города строят не языком, а рублем да топором*), но и указывает на градационно-сопоставительные отношения "не только...но и": *Не вор ворует, а поноровщик*, "не столько...сколько": *Не море топит корабли, а ветры*. В этой связи весьма показательны варианты паремий *Не от росы (урожай), а от поту* – *Не столько роса, сколько пот* (*удобряет нивы*); *Не столько роса с неба, сколько пот с лица*.

Во-вторых, в русском пословичном фонде чрезвычайно активной и продуктивной является акроте́за со смещенным отрицанием и повтором тематического компонента (*Не красна книга письмом, а красна умом*), в том числе запретительно-побудительная акроте́за (*Не смотри на дело, смотри на отделку*) и указательная акроте́за, в которой контрастивное отрицание сочетается с дейктическим описанием (*Не тот друг, кто мёдом мажет, а тот, кто правду скажет*). Акроте́за с повтором тематического элемента занимает промежуточное положение между антитезой и приемом контрастивного отрицания (простой акроте́зой). По своей форме (двухчастная параллельная конструкция) она ближе к антитезе, по семантике и стилистическому назначению (актуализированное утверждение одной альтернативы путем отрицания другой) – к акроте́зе. При этом противоположность или сходство приемов антитезы и акроте́зы во многом зависит от сильного или слабого характера отрицания в акроте́зе. Покажем это на примере запретительно-побудительной паремии, в которой повелительные формы глагола передают побуждение к совершению и запрет на совершение одного и того же действия (*торопись – не торопись, хвались – не хвались*): *Не торопись ехать, торопись кормить; Не хвались на коня садясь, а хвались, когда слезешь*. Так как темы обеих частей высказывания являются идентичными, то, по сути, противопоставленными оказываются лишь ремы, и, следовательно, отрицание относится к одному из актантов повелительной формы глагола, а не к самому императиву. Таким образом, отрицание является смещенным, а сам выбор делается не между двумя действиями, а между объектами (признаками, инструментами, способами и пр.) одного и того же действия. При таком подходе закономерным представляется наличие синонимичных вариантов с повтором и без повтора темы: *Не гладь коня рукой, а гладь мукой – Скотину гладь не рукой, а мукой; Не бойся той собаки, которая лает, а бойся той, которая изподтишка кусает – Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что изподтишка хватает*. В то же время синтаксическая и позиционная однородность двух императивов поддерживает их семантическую контрастность и контекстную релевантность запретительного значения негированного императива: *Не выбирай невесту, выбирай сваху; Не будь тороплив, будь памятлив!* Смысловая неоднозначность конструкции, в которой прохибитив противопоставлен побуждению *Не делай А, (а) делай Б*, а один актант императива другому (как в структуре *Делай не А, (а) Б*) создает стереоскопический эффект, семантическую объемность и стилистическую неординарность пословичной формулы. В конкретных случаях то или иное значение может выходить на передний план, актуализироваться, но при этом и другое остается релевантным.

В соответствии с этим можно выделить две основные семантические разновидности запретительно-побудительной акроте́зы.

1. Во-первых, инструкция *Не делай то-то (так-то), делай другое (иначе)* отличается более жесткой регламентацией, чем простое руководство к действию *Делай то-то (так-то)*. Эта ригористичность создается исключением из программы действий одной альтернативы и утверждения другой. Строгость предписания обеспечивается еще и тем, что контраст запрета и побуждения сочетается с полярностью обозначенных альтернатив, выраженных языковыми и речевыми антонимами: *Не бойся горького, бойся сладкого! Не смотри начала, смотри конца; Не узнавай друга в три дня, узнавай в три года; Не ставь недруга овцою, ставь его волком*.

2. В паремиях, где контрастные отношения устанавливаются между аксиологически однородными (положительными) категориями, определяющей является интенсифицирующая роль отрицательного императива: *Не будь складен, да будь ладен; Не будь изроден, да будь пригоден; Не будь грамотен, будь памятен*. Очевидно, что функция отрицательного императива в данном случае не является запретительной и что первая часть высказывания ни в коем случае не означает того, что нельзя или нежелательно быть складным, изродным, что плохо быть грамотным. Сходно с этим, совет *Не будь гостю запасен, а будь ему рад* не имеет в виду запрещение быть запасливым. В паремиях подобного типа отрицательное предложение лишь оттеняет особую значимость, ценность

и, следовательно, предпочтительность того, о чем говорится в утвердительном. По сути, в таких высказываниях косвенным образом передаются компаративные отношения между акантами императивов, так, смысл пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* – "друзья дороже богатства, денег" [12,78]. При этом устанавливается иерархия ценностей в национальной картине мира: *Не ищи красоты, ищи доброты*.

Таким образом, предельный характер отрицания проявляется в "категорическом" варианте акротезы, когда эффект усиления высказывания и актуализации сделанного выбора достигается устранением одной из альтернатив: *Не страшны злыдни в три дни, а страшны в три года*. В волюнтивном регистре сильное отрицание создает строгое предписание, сочетающее рекомендацию с запретом: *Не оставляй на завтра дела, а оставляй хлеба!* Соответственно неопредельный характер отрицания обуславливает градационно-сопоставительный характер отношений между утверждаемым и отрицаемым в акротезе, где коррекция не отменяет одну из альтернатив, а лишь расставляет акценты между ними: *Не красна изба углами, а красна пирогами*. На слабом отрицании основываются также изречения, в которых отрицательный императив не выражает запрета, а служит экспрессивному выделению того, о чем говорится в побудительной части высказывания: *Не родись красивым, а родись счастливым*.

Литература:

1. Апресян Ю.Д., *Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва 1995.
2. Булаховский Л.А., *Введение в языкознание. Ч.1*. Москва 1953.
3. Кодухов В.И., *Введение в языкознание*. Москва 1979.
4. Коссек В.М., Костюк В.Н., *Сильное и слабое отрицание в русском языке*. [В:] Проблемы структурной лингвистики. 1980. Москва 1982, с. 50-62.
5. Михайлов В.А., *Генезис антонимических оппозиций*. Ленинград 1987.
6. Морозова Л.А., *Антитеза в пословицах*. [В:] Фольклор как искусство слова. Вып.3. Москва 1975, с. 95-106.
7. Новиков Л.А., *Антонимия в русском языке*. Москва 1973.
8. Пешковский А.М., *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва 1938.
9. Попова Н.В., *Утраченные дихотомические соответствия некоторых слов с приставкой не-*. „Филологические науки” 1971, № 1, с. 81-92.
10. Потеня А.А., *Орфографическая заметка*. „Филологические науки” 1875. Вып. VI. Воронеж 1875, с. 8-9.
11. Степанов Ю.С., *Современные связи лингвистики и логики*. „Вопросы языкознания”, 1973, №4, с. 62-75.
12. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е., *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь*. Москва 1988.